

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОТ ИЗМЕРЕНИЯ К ТЕОРИИ¹

канд. психол. наук С.С. БЕЛОВА
(Институт психологии РАН, Москва,
Московский государственный психолого-педагогический университет)
д-р психол. наук, член-корр. РАН Д.В. УШАКОВ
(Институт психологии РАН, Москва)

Кратко представлена зарубежная психометрическая традиция изучения социального интеллекта. Обозначаются ее ключевые этапы: ранний этап многофакторных тестов, этап альтернативных методов измерения (вербальные, невербальные, поведенческие методики), этап тестирования теоретических моделей социального интеллекта как когнитивного феномена с помощью подтверждающего факторного анализа. Обсуждаются результаты указанных направлений. Излагается подход к социальному интеллекту с позиций структурно-динамической теории, разрабатываемой Д.В. Ушаковым. Раскрываются основные положения и центральные понятия данной теории, с опорой на которые даются объяснения ряда эмпирических фактов, представленных в исследованиях социального интеллекта.

Ключевые слова: социальный интеллект, структурно-динамическая теория интеллекта, измерение.

Введение. Социальный интеллект – термин, появившийся в психологии способностей достаточно давно. Еще в 1920 г. Э. Торндайк определил его как «способность понимать людей <...> и управлять ими, поступать мудро в человеческих отношениях» [1, р. 228]. Однако разработка теоретических моделей социального интеллекта и их психометрическое обоснование оказались очень непростыми и заслуженно оцениваются как достаточно проблемная предметная область. Современное положение дел таково, что по активности изучения социальный интеллект занимает более чем скромные позиции по сравнению с эмоциональным интеллектом. Вместе с тем внимание как теоретиков, так и практиков все снова и снова возвращается к этому проявлению индивидуальности, заставляя пересматривать накопленный опыт и выдвигать новые гипотезы о его сущности. В этой статье будет представлена краткая история изучения социального интеллекта и взгляд на социальный интеллект с позиции структурно-динамической теории, разрабатываемой Д.В. Ушаковым.

Интеллект ли социальный интеллект?

Вероятно, главный вопрос, который возникает у человека, изучающего положение дел в сфере исследования социального интеллекта: а является ли в действительности социальный интеллект видом интеллекта? Такое сомнение порождается тем, что большинство общих теорий интеллекта смотрят на социальный интеллект с подозрением и опаской. Все более или менее объемлющие теории интеллекта рассматривают интеллект вербальный и невербальный, числовой и пространственный, текучий и кристаллизованный. Социальный же интеллект остается на периферии рассмотрения, удостаиваясь весьма робких суждений теоретиков. В самом деле, объект оказывается достаточно странным – не вполне ясным в плане измерения, не очень хорошо коррелирующим с общим интеллектом, а кроме того, обнаруживающим такие связи с личностью, что возникает подозрение – может быть, это вовсе не интеллект, а какое-то особое личностное свойство, состоящее в способности взаимодействовать с другими личностями? Это подозрение становится почти уверенностью, когда социальный интеллект определяется как способность не просто понимать людей и ситуации их взаимодействия, но и управлять ими или адаптироваться к ним. Другими словами, в определение социального интеллекта вводится не просто познавательный, когнитивный аспект, как в случае любого другого вида интеллекта, но и аспект поведенческий, влияние на среду. Если несколько преувеличить, это как если бы мы в определение пространственного интеллекта ввели способность не только понимать пространственные отношения предметов, но и изменять их форму и размеры.

Все же позиция, которая отстаивается в этой работе, состоит в том, что социальный интеллект является видом интеллекта, хотя и достаточно своеобразным. Будет показано, что на него могут быть распространены те закономерности, которые обнаруживаются в сфере общего интеллекта. При этом определение социального интеллекта, если мы понимаем его как интеллект, должно быть также ограничено: это способность к познанию социальных явлений, которая составляет лишь один из компонентов социальных умений и компетентности, но не исчерпывает их. Тогда социальный интеллект становится в один

¹ Статья написана при поддержке грантов РГНФ № 15-06-10890 и РФФИ № 16-06-00552.

ряд с другими видами интеллекта, образуя вместе с ними способность к высшему виду познавательной деятельности — обобщенной и опосредованной.

Социальный интеллект: начало психометрического пути (1920–60 гг.)

Ранние исследования социального интеллекта как когнитивной способности обращались преимущественно к двум линиям его измерения.

Первая из них связана с многофакторным тестом социального интеллекта Джорджа Вашингтона², разработанным Ф. Мосс с соавторами в конце 1920-х годов и активно использовавшимся в США в нескольких редакциях вплоть до 1960-х годов. Несмотря на достаточно размытое теоретическое обоснование, тест было первой серьезной попыткой подойти к измерению социального интеллекта. Он включал в себя следующие шкалы: суждение в социальных ситуациях, память на имена и лица, распознавание ментальных состояний по выражению лица, наблюдение за поведением человека, социальная информация, распознавание внутренних состояний, стоящих за словесными описаниями. Формат заданий был либо исключительно вербальным, либо предполагал предъявление фотографий лиц. Однако многократно было показано, что суммарная оценка по данной методике относительно высоко коррелирует с академическим интеллектом (на уровне 0,5–0,6), что свидетельствовало, что оснований говорить о социальном интеллекте как об отдельном конструкте не существует [2; 3, р. 94].

Вторая значительная линия – тесты социального интеллекта, разработанные в 1960-70-х годах на основе модели структуры интеллекта Дж. Гилфорда. Согласно теории, социальный интеллект оперирует таким содержанием, как «поведение». Тесты были сконструированы для двух типов интеллектуальных операций – познание и дивергентная продуктивность.

«Познание поведения» было определено как «способность судить о людях... [в отношении их] чувств, мотивов, мыслей, намерений, установок и других психологических диспозиций, которая может влиять на социальное поведение индивида» [4, р. 4–5]. Для этой операции было разработано две версии теста – шестифакторная (1966) и четырехфакторная (1976)³. Однако в современных работах показана проблематичность выделения как шести, так и четырех факторов социального интеллекта [5–7].

Тест же креативного социального интеллекта, созданный М. Хендриксом, Дж. Гилфордом и Р. Хепфнером в 1969 г. и представленный дивергентными задачами на «поведенческом» материале, не получил широкого распространения. Оценка конструктивной валидности методики осуществлялась разработчиками по отношению к ряду других способностей, предусмотренной 120-факторной моделью Гилфорда. Дискриминантная валидность была признана высокой по отношению к дивергентному мышлению в семантической предметной области и конвергентному мышлению в поведенческой области. Эти результаты были позднее воспроизведены Ш. Чен и В. Майклом при повторном анализе исходных данных с использованием конфирматорного факторного анализа [8].

Таким образом, два значительных психометрических направления каждое в свое время привели к довольно скромным результатам в эмпирическом выявлении социального интеллекта. Сегодня эти тестовые батареи рассматриваются как достойные истории, хотя справедливости ради нужно отметить, что отдельные субтесты все же используются и в современных работах для операционализации отдельных компонентов социального интеллекта. Кроме того, именно в этих работах впервые прозвучали идеи о многомерности социального интеллекта, составляющих его когнитивных операциях и поведенческих проявлениях, проблематичности вербального формата методик для его измерения.

Подход Дж. Гилфорда к социальному интеллекту представляет собой редкий случай последовательного теоретизирования, встраивающего социальный интеллект в систему интеллектуальных способностей, на фоне большого количества работ, не имеющих глубоких теоретических оснований. Однако он может быть подвергнут критике в связи с тем, что в нем социальный интеллект включается в структуру общего, т.е. предполагается, что его суть заключается в приложении когнитивных операций, составляющих общий интеллект, к социальному содержанию. Специфика самих социально-когнитивных операций не изучается в теоретическом плане. Сам же социальный материал – поведение – оказывается слишком общим понятием. В соответствии с теорией Гилфорда оценка эмоций человека, индивидуальных особенностей, социальных норм, способностей и многого другого попадает в одну категорию познания поведения.

Социальный интеллект: период противостояния методов измерения (1970–90 гг.)

Альтернативой основным психометрическим линиям, о котором говорилось выше, явились попытки измерить отдельные составляющие социального интеллекта методиками различного формата. Осмысление результатов этих работ дало толчок развитию идеи, что успешность выявления социального интеллекта как независимого конструкта чувствительна к особенностям метода его оценки.

2 The George Washington Social Intelligence Test , GWSIT.

3 Авторы шестифакторной версии – М. O'Sullivan, J.P. Guilford, R. DeMille. Авторы четырехфакторной версии – М. O'Sullivan, J.P. Guilford.

Анализ работ периода 1970–90-х годов показывает, что наибольшую проблематичность для выявления социального интеллекта представляют методики вербального формата. В этом случае социальный интеллект оказывается сильно связанным с интеллектом академическим, что ставит под сомнение вопрос о существовании его как особой способности. Такие характеристики вербальных методик как абстрактность, сведение к минимуму описания контекста, малая вероятность встречаемости ситуации в жизни испытуемого [9; 10], несоответствие его ожиданиям, новизна, высокая структурированность [11], формат вынужденного выбора ответа [12], привнесенные в диагностику социального интеллекта, подверглись критической оценке.

Несколько более успешными по сравнению с вербальными тестами, хотя и не лишёнными противоречивости, оказались попытки выявления социального интеллекта, связанные с оперированием невербальным материалом – чаще всего изображениями [13]. Использование методик самооценки социального интеллекта дало противоречивые результаты: были свидетельства как ее независимости от вербальных способностей [14; 15], так и положительной связи [16].

Наиболее эффективным стало выявление социального интеллекта с использованием методик, предполагающих оценку реального социального поведения. Три наиболее известных исследования такого плана обращались к поведению испытуемых в ситуациях интервью [10; 17; 18]. Главное обобщение результатов этих работ состоит в том, что эффективность поведения в ситуации интервью, фиксировавшаяся по ряду критериев, независима от академического интеллекта и положительно связана с измерением социального интеллекта с помощью внешних оценок.

Этот факт мог бы рассматриваться как определенное достижение, если бы не сомнительность самого тезиса о «поведенческой» сущности социального интеллекта. Если рассматривать социальный интеллект как вид интеллекта, в центре внимания должны находиться когнитивные операции, обеспечивающие социальное познание и доступные тестовой операционализации. Именно это стало центром внимания на следующем этапе психометрической истории социального интеллекта.

Социальный интеллект: когнитивные факторы через призму КФА (1995–2007 гг.)

Работы этого периода объединяет стремление к выявлению многомерности социального интеллекта как когнитивной способности и использованию конфирматорного факторного анализа (КФА) для оценки его конструктивной валидности.

Так, тема различения кристаллизованного и флюидного социального интеллекта была предложена и разработана Дж. Ли с соавторами [19]. Измерялись четыре свойства: социальное знание (предположительно отражающее кристаллизованный социальный интеллект), способность к социальным умозаключениям (флюидный социальный интеллект), кристаллизованный и флюидный академический интеллект. Гипотезы состояли в том, что корреляции между способностями одного типа будут выше, чем корреляции между способностями разного типа (например, флюидный социальный интеллект будет сильнее связан с флюидным академическим интеллектом, чем с кристаллизованным; и наоборот). Выявленные корреляции между факторами-свойствами внутри каждой предметной области свидетельствовали о конструктивной валидности (гфлюид. аи, крист. аи = .85; гфлюид. си, крист. си = .63), корреляции между предметными областями не превышали этих значений (0,24–0,40).

Другое направление исследований было посвящено изучению соотношения кристаллизованного социального интеллекта (фактора социального знания) и общей и социальной креативности. К. Джоунс и Дж. Дэй выявили, что кристаллизованный социальный интеллект образует общий фактор с академическим интеллектом, положительно коррелирующий, в свою очередь, с социальной креативностью на уровне 0,36* [20]. Дж. Ли с соавторами соотнесли кристаллизованный социальный интеллект с общей и социальной креативностью и продемонстрировали, что они являются отдельными, но положительно коррелирующими способностями [21].

В основу Магдебургского теста социального интеллекта⁴ была положена теоретическая модель, постулирующая существование пяти факторов, соответствующих 4 когнитивным операциям (социальное понимание, социальная память, социальное восприятие, социальная креативность) и имеющему особый статус фактору социального знания [22–24]. Это еще один пример частичного прямого переноса модели общего интеллекта (Берлинской модели интеллекта [26]) на интеллект социальный. Ключевой результат проверки модели заключался в выявлении отдельных, но коррелирующих когнитивных измерений в структуре социального интеллекта. Так, в первом исследовании социальное знание значимо коррелировало с факторами социальной памяти и социального понимания (0,42* и 0,50* соответственно). Социальная память и понимание – на уровне 0,45*. Такие высокие значения коэффициентов корреляции, по мнению авторов, могли бы свидетельствовать в пользу существования общего фактора социального ин-

⁴ Social Intelligence Test, Magdeburg, SIM.

теллекта и, возможно, его иерархической модели [22; 23]. Однако последующие попытки проверить такую гипотезу дали одна – положительный, другая – отрицательный результат, который на сегодняшний день признается авторами окончательным. Наилучшее соответствие данным показала модель с двумя коррелирующими факторами социальное понимание и социальная память ($r = 0,35$, $r = 0,20$ в двух исследованиях соответственно [24]).

Данные исследования свидетельствуют о некоторой эффективности приложения методологии психологии общего интеллекта, к изучению структуры интеллекта социального. В ней выявляются такие измерения как социальное умозаключение (флюидный социальный интеллект), социальное знание (кристаллизованный социальный интеллект), социально-когнитивная гибкость (социальная креативность), социальная память. Однако эти работы очень немногочисленны и более чем далеки от того, чтобы представлять собой «мейнстрим» в изучении социального интеллекта. В чем же ограничения данного направления?

Прежде всего, показательна нестабильность взаимосвязей, выявляемых между когнитивными факторами социального интеллекта, наблюдаемая от выборки к выборке, от исследования к исследованию даже одного или сотрудничающих коллективов авторов [25; 20; 22; 23]. Неконсистентность в деталях существует и обнаруживается при обращении к полным текстам публикаций. Например, социальная креативность успешно выявлена американскими исследователями [20] и безуспешно – немецкими [24]. Возможно, именно проблема воспроизводства факторных структур объясняет малочисленность подобных исследований социального интеллекта. Отмечается проблематичность измерения ряда факторов, которые, казалось бы, достаточно хорошо изучены в психологии социального познания (например, фактора социального восприятия [25]). Особую проблему в когнитивной трактовке социального интеллекта представляет фактор социального знания. В теоретическом аспекте признание его важности для социальных способностей по существу противоречит трактовке интеллекта как независимого от опыта. Социальный интеллект оказывается контекстно-специфичным, т.е. начинает представлять собой скорее социальную компетентность.

Принципиально иной подход к структуре интеллекта предлагается в разрабатываемой Д.В. Ушаковым структурно-динамической теории интеллекта, которая может претендовать на объяснение описанных эмпирических феноменов.

Социальный интеллект: подход с позиций структурно-динамической теории

Основная идея структурно-динамической теории заключается в том, что структура интеллекта человека не представляет собой инварианта, а является результатом сил, действующих на формирование интеллекта на протяжении всего жизненного пути человека. В обоснование приводится система доказательств: нестабильность факторной структуры интеллекта; отрицательные корреляции, наблюдаемые в некоторых случаях между различными интеллектуальными показателями; более высокие психометрические показатели многошкальных тестов по сравнению с одношкальными; наличие корреляции с общим фактором у заданий, не коррелирующих между собой; повышение корреляций у задания с общим фактором по мере тренировки и т.д. Кроме того, теория позволяет подойти к объяснению таких феноменов, как изменение корреляций между показателями психологических тестов на протяжении жизненного пути и, возможно, самое неожиданное – психогенетических данных.

Более подробно структурно-динамическая теория изложена в других работах автора [27; 28]. Здесь, однако, необходимо остановиться на нескольких ее основных понятиях. По мнению традиционных теорий, структура интеллекта определяется пересечением когнитивных функций. Если в выполнении каких-либо деятельности присутствует общий компонент, то успешность выполнения этих деятельностей будет коррелировать. В этом плане общий фактор интеллекта свидетельствует о том, что существует такой когнитивный компонент, который присутствует в любой мыслительной деятельности. Наличие специальных факторов говорит о работе механизмов среднего уровня, которые не обязательны для любой мыслительной деятельности, но присутствуют в их части. Структурно-динамическая теория принимает пересечение когнитивных функций как фактор структуры интеллекта, но лишь как один из факторов. Важным понятием является потенциал формирования. Он ответственен за генеральный фактор. Пересечение когнитивных функций ответственно за специальные факторы. В самом деле попытки сведения генерального фактора к одному специальному когнитивному механизму, будь то внимание в духе Спирмена или рабочая память Киллонена, особого успеха не имели.

Наконец, структура интеллекта, согласно структурно-динамической теории, определяется средовым фактором. Этот фактор приводит к флуктуации структуры интеллекта от исследования к исследованию. Социальный интеллект не являлся исходным объектом структурно-динамической теории, однако как одна из разновидностей интеллекта он получает в ней свою интерпретацию. К нему могут быть применены понятия потенциала формирования, когнитивного пересечения функций и средового распределения. Если допустить, что социальный интеллект пользуется тем же потенциалом формирования, что и другие виды интеллекта, можно вывести ряд любопытных следствий, допускающих эмпирическую проверку.

При равномерном распределении потенциала формирования на выборке, проходящей тестирование, можно ожидать достаточно высоких положительных корреляций социального и других видов интеллекта. Собственно подобные результаты и получаются в большинстве исследований: фактор социального интеллекта часто неотличим от фактора общего интеллекта.

Однако возможен и другой случай: потенциал в выборке в разных областях распределен очень неравномерно. В этом случае структурно-динамическая теория предсказывает падение корреляций вплоть до отрицательных значений. Что может представлять собой выборка с таким неравномерным распределением потенциала? Примером может быть группа, образованная смешением подростков, которые живут активной социальной жизнью, с их сверстниками, поглощенными абстрактной наукой.

Подтверждением подобной позиции являются наши сведения о судьбах вундеркиндов. Многие из них, специализировавшиеся в разных областях, как шахматист Гарри Каспаров или математик Норберт Винер, жаловались в автобиографических заметках на одинокое детство и отсутствие социальных навыков в ранней молодости. Так, Н. Винер писал: «Необычно усложненный курс обучения, который я проходил дома, естественно, превращал меня в отшельника и развивал то наивное отношение ко всем вопросам, не связанным с наукой, которое невольно вызывало у окружающих чувство раздражения и антипатии <...> Из-за постоянного одиночества <...> из меня получился нелюдимый и неуклюжий подросток с неустойчивой психикой» [29, с. 11]. Показательно, что Винер жалуется здесь не на склад ума, а на особенности воспитания, которые привели к его отчуждению от общества.

К сходным результатам привело исследование, проведенное Д.В. Ушаковым на более чем 800 одаренных подростках, участниках финального тура Московского интеллектуального марафона многопрофильной олимпиады для школьников. В группе детей с высоким интеллектом у мальчиков 10-х и 11-х классов обнаружены значимые положительные корреляции математических достижений на марафоне со шкалой одиночества нашего опросника (0,42* и 0,3* соответственно). Таким образом, источником личностных проблем оказывается не интеллект как таковой, а большие вложения в академические занятия.

Все вместе взятое приводит нас к ясному заключению: сам по себе высокий интеллект выступает скорее положительным фактором адаптации. Однако в том случае, если интеллектуально одаренный ребенок вкладывает свое время и силы в овладение какой-нибудь абстрактной областью, например, математикой или шахматами, он рискует выпасть из социальных контактов. Одаренные дети адаптивны. Неадаптивны «ботаники», т.е. те из одаренных детей, кто вкладывает силы в абстрактную и отдаленную от жизни деятельность.

В исследовании, выполненном на Московском интеллектуальном марафоне, не тестировался социальный интеллект подростков, а лишь проблемы, связанные с адаптацией. Однако представляется весьма правдоподобным аналогичный механизм в области социального интеллекта.

Наконец, еще одно предсказание структурно-динамической теории состоит в том, что показатели социального интеллекта должны быть связаны с личностными особенностями людей. Представим себе двух человек, одного, крайне склонного, например, к чувству ревности, а другого – нет. Очевидно, тот, кто более склонен ревновать, будет чаще думать о ситуациях ревности и измены, перебирать ситуации, объясняться и т.д. В результате с позиции направляемого в разные сферы потенциала, его компетентность в этой сфере окажется иной, чем у человека неревнивого. Представляется, что существующие на сегодняшний день эмпирические данные подтверждают это предсказание структурно-динамической теории. В противоположность общему интеллекту, не обнаруживающему значимых связей с личностными чертами, интеллект социальный такие связи обнаружил во многих исследованиях.

Итак, справедливость всех перечисленных выше предсказаний еще не может считаться подтвержденной, однако некоторые из них уже имеют солидное обоснование, а другие выглядят правдоподобно. Если же кратко определить с позиций структурно-динамической теории, от чего зависит уровень социального интеллекта личности, то ответ будет включать три пункта:

- от потенциала формирования, который проявляется также в уровне общего интеллекта;
- от личностных, в первую очередь эмоциональных, особенностей, в большей или меньшей степени привлекающих силы человека к общению с другими людьми и их познанию;
- от того, как сложился жизненный путь человек, пришлось ли ему направить свои силы на взаимодействие с другими людьми или на предметную работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Thorndike, E.L. Intelligence and its use. / E.L.Thorndike. – Harper's Magazine. – 1920. – 140. – 227– 235.
2. Kihlstrom, J.F. Social Intelligence / J.F. Kihlstrom, N.Cantor // R.J. Sternberg (Ed.), Handbook of intelligence. – 2nd ed. – Cambridge, U.K. : Cambridge University Press., 2000. – 3. 359– 379.
3. Landy, F.J. The long, frustrating, and fruitless search for social intelligence: A cautionary tale. In K. R. Murphy (Ed.), A Critique of Emotional Intelligence – What Are the Problems and How Can They Be Fixed? 2006. (pp. 81–123). New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates.
4. O'Sullivan, M. The measurement of social intelligence / M. O'Sullivan, J.P. Guilford, R. de Mille // Reports from the Psychological Laboratory, University of Southern California. – 1965. – № 34.

5. Romney, D.M. Guilford's concept of social intelligence revisited / D.M. Romney, M.C. Pyryt // High Ability Studies. – 1999. – 10. – P. 137–142.
6. Weis, S. Facets of social intelligence. Cognitive performance measures in a multitrait – multimethod design. Diplomarbeit, Universität Mannheim, Fakultät Für Sozialwissenschaften. 2002.
7. Люсин, Д.В. Психометрический анализ русской версии теста на социальный интеллект Дж. Гилфорда и М. О'Салливена / Д.В. Люсин, Н.Д. Михеева // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2004. – С. 119–128.
8. Chen, S.A. First-Order and Higher-Order Factors of Creative Social Intelligence Within Guilford'S Structure-Of-Intellect Model: A Reanalysis of a Guilford Data Base / S.A. Chen, W.B. Michael // Educational and Psychological Measurement, 1993. – Vol. 53, No. 3. – P. 619–641.
9. Keating, D.P. A search for social intelligence / D.P. Keating // Journal of Educational Psychology. – 1978. – 70. – P. 218–233.
10. Ford M. E., Tisak M. S. A further search for social intelligence // Journal of Educational Psychology. – 1983. – 75. – P. 196–206.
11. Schneider, R.J. To “act wisely in human relations:” Exploring the dimensions of social competence / R.J. Schneider, P.L. Ackerman, R. / Kanfer / Personality and Individual Differences. – 1996. – Vol. 21, Issue 4. – P. 469–480.
12. Legree, P.J. Evidence for an oblique social intelligence factor established with a Likert-based testing procedure // Intelligence. – 1995. – 21. – P. 247–266.
13. Barnes, M.L. Social intelligence and decoding of nonverbal cues / M.L. Barnes, R. Sternberg // Intelligence. – 1989. – 13. – P. 263–287.
14. Marlowe, H.A. Social intelligence: Evidence for multidimensionality and construct independence / H.A. Marlowe // Journal of Educational Psychology. – 1986. – 78. – P. 52–58.
15. Brown, L.T. Continuing the search for social intelligence / L.T. Brown, R.G. Anthony // Personality and Individual Differences. – 1990. – 11. – P. 463–470.
16. Riggio, R.E. Social and academic intelligence: Conceptually distinct but overlapping constructs / R.E. Riggio, J. Messamer, B. Throckmorton // Personality and Individual Differences. – 1991. – 12. – P. 695–702.
17. Frederiksen, N. The place of social intelligence in a taxonomy of cognitive abilities / N. Frederiksen, S. Carlson, W.C. Ward // Intelligence. – October-December, 1984. – Vol. 8, Issue 4. – P. 315–337.
18. Stricker, L.J. Interpersonal competence, social intelligence, and general ability / L.J. Stricker, D.A. Rock // Personality and Individual Differences. – 1990. – Vol. 11, Issue 8. – P. 833–83.
19. Social and academic intelligences: a multitrait-multimethod study of their crystallized and fluid characteristics / J-E. Lee [et al.] // Personality and Individual Differences. – 2000. – 29. – P. 539–553.
20. Jones, K. Discrimination of two aspects of cognitive-social intelligence from academic intelligence / K. Jones, J.D. Day // Journal of Educational Psychology. – 1997. – 89. – P. 486–497.
21. Discrimination of social knowledge and its flexible application from creativity: a multitrait-multimethod approach / J-E. Lee [et al.] // Personality and Individual Differences. – 2002. – 32. – P. 913–928.
22. Weis, S. Social Intelligence – A Review and Critical Discussion of Measurement Concepts / S. Weis, H.-M. Süß // Schulze, Ralf (Ed); Roberts, Richard D. (Ed). Emotional intelligence: An international handbook. (pp. 203–230). Ashland, OH, US : Hogrefe & Huber Publishers (2005) xviii, p. 203–230
23. Weis, S. Reviving the search for social intelligence – A multitrait-multimethod study of its structure and construct validity / S. Weis, H.-M. Süß // Personality and Individual Differences. – 2007. – 42. – P. 3–14.
24. Weis, S. Theory and Measurement of Social Intelligence as a Cognitive Performance Construct. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie genehmigt durch die Fakultät für Geistes-, Sozial- und Erziehungswissenschaften der Otto-von-Guericke-Universität Magdeburg, 2008. – 393 p.
25. Wong, C.-M. T. A multitrait-multimethod study of academic and social intelligence in college students / C.-M. T. Wong, J.D. Day, S.E. Maxwell, N.M. Meara // Journal of Educational Psychology. – 1995. – 87. – P. 117–133.
26. Фройнд, А.Ф. Исследование и измерение одаренности и креативности с помощью Берлинского теста структуры интеллекта / А.Ф. Фройнд, Х. Холлинг // Психология. – 2005. – Т. 2, № 4. – С. 81–93.
27. Ушаков, Д.В. Мышление и интеллект / Д.В. Ушаков // Психология XXI века / ред. В.Н. Дружинин. – М. : Пер Сэ, 2002. – С. 291–353.
28. Ушаков, Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория / Д.В. Ушаков. – М. : Изд-во ИП РАН, 2003.
29. Винер, Н. Я –математик / Н. Винер. – М. : Наука. 1967. – 356 с.

Поступила 18.05.2017

SOCIAL INTELLIGENCE: FROM MEASUREMENT TO THEORY

S. BELOVA, D. USHAKOV

The paper briefly presents psychometric tradition of social intelligence research and gives an outline of its key milestones. Among them are an early period of multifactor tests, a period of alternative verbal, nonverbal and behavioral measures, a period of testing of theoretical models of social intelligence as a cognitive construct by means of confirmatory factor analysis. Key results of the above-mentioned periods are considered. The authors present a view on social intelligence in a framework of structural-dynamic theory of intelligence developed by D.V. Ushakov. The key assumptions and concepts of the theory are explicated and applied to explanation of some empirical phenomena of social intelligence research.

Keywords: social intelligence, structural-dynamic theory of intelligence, measurement.